

ИЗ НЕЗАВЕРШЕННОЙ КНИГИ С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО О ТУРГЕНЕВЕ

Публикация М. И. Перпер

Многие русские революционеры, оказавшиеся за рубежом, чувствовали себя представителями родной страны и ее культуры. Очень ясно и остро ощущал это Степняк, только в исполнении этого долга находивший оправдание своей жизни за границей. В одной из публичных лекций, прочитанных им в США весной 1891 г., Степняк рассказал о том, как неожиданный успех его небольшой книжки о русских революционерах («Подпольная Россия»), вышедшей в 1882 г. в Милане на итальянском языке и очень скоро переведенной на несколько других языков, заставил его задуматься над тем, какую пользу может принести делу русской революции сочувственное внимание и помощь свободолюбивых людей других стран. Со времени выхода этой книги прошло девять лет, им были написаны три больших публицистических книги о России, роман о русских революционерах, в Англии было основано Общество друзей русской свободы, начавшее издавать журнал «Свободная Россия» («Free Russia»), организацией такого же общества в Соединенных Штатах Степняк занимался в свой приезд туда в 1891 г. Кратко сообщив своим слушателям о том, что он сделал и делает для осуществления своей мечты — свержения царизма в России, русский революционер заключил: «Стоило ли ослабить ряды активных борцов на одного человека и сделать из него писателя? Да, стоило. Пусть мои книги не занимают видного места в литературе, но мне удалось оказать некоторое влияние на понятия мыслящих людей нашего поколения, а это приближает торжество моей мечты».

Для того чтобы зарубежные читатели могли справедливо оценить требования и действия русских революционеров, надо было рассказать им о России, показать ее. Степняк, Кропоткин, Плеханов понимали, как важно скорее и лучше ознакомить Западную Европу с творчеством русских писателей. Они это и делали всеми возможными способами.

Среди работ Степняка о русской литературе его статьи о Тургеневе занимают особое место. В отличие от некоторых современных ему критиков в России, Степняк очень высоко ценил замечательного мастера русской прозы и уважал в нем человека, сумевшего, благодаря своему таланту, преодолеть многие слабости своего характера. Видеть Тургенева Степняку ни разу не удалось, но он много слышал о писателе от часто встречавшихся с ним П. Л. Лаврова, М. П. Драгоманова, П. А. Кропоткина. Тургенев дважды откликнулся на произведения молодого народника, и эти отзывы, сообщенные Степняку друзьями, поддержали его в решении заняться литературным трудом. «... У вашего знакомого есть и талант и огонь — пусть он продолжает трудиться на этом поприще!» — писал Тургенев Лаврову 28 августа/9 сентября 1875 г., прочитав пропагандистскую сказку «Мудрица Наумовна»; а через семь лет, ознакомившись с только что вышедшей в Италии книгой «Подпольная Россия», он говорил Н. П. Цакни (русскому журналисту, тогда народовольцу-эмигранту, жившему в Париже): «Написано в высшей степени талантливо, есть места даже художественные...» и указал на литературные недостатки (прежде всего на склонность к риторичности), которые автору следовало преодолеть.

О Тургеневе Степняк рассказывал своим английским друзьям: писателям и артистам, членам молодого тогда фэбианского общества, английским социалистам — участникам встреч в доме поэта Уильяма Морриса, либеральной молодежи, объединявшейся вокруг критика Джорджа Перриса, говорил о нем и в своих публичных лекциях о России, часто цитируя (в собственном переводе) излюбленный отрывок из «Рудина» — рассказ о кружке Покорского. Неудивительно поэтому, что когда возникла мысль включить в серию биографий классиков мировой литературы (которую выпускала крупная издательская фирма «Вальтер Скотт») книгу о Тургеневе, издательство предложило именно Степняку подготовить ее. Получив его согласие, представитель издательства литературовед Ф. Марзиэлс писал ему (4 марта 1889 г.): «Я очень рад, что вы решили написать для нас эту книгу. Размер ее должен быть 150—200 страниц. О типе глав и характере изложения можно судить по уже вышедшим томам, которые я пришлю вам для ознакомления».

Степняк в течение многих месяцев с увлечением работал над заказанной ему книгой о Тургеневе. Он просматривал каталоги Библиотеки Британского музея, просил друзей сообщать ему о появляющихся в России публикациях, штудировал доступную ему литературу и перечитывал произведения Тургенева, переводя обширные отрывки из них. Некоторое представление об этой подготовительной работе дает письмо, полученное им от З. А. Венгеровой, готовившейся в то время в Париже к экзамену на степень магистра филологических наук:

Paris, le 29 avril <18>90
21, Rue Valette

Многоуважаемый г. Степняк,

Г-н Бурцев поручил мне достать для вас из Петербурга книгу о Тургеневе моего брата С. А. Венгерова и некоторые другие материалы для вашей работы о Тургеневе. На днях получила книги, которые и посылаю вместе с этим письмом. Кроме того, прилагаю библиографический список книг, необходимых, по мнению брата, для составления работы о Тургеневе:

I. Биография:

- 1) Воспоминания Панаева.
- 2) Пыпин «Белинский».
- 3) Головачева-Панаева «Воспоминания» в «Историческом вестнике». Относиться очень осторожно.
- 4) Анненков в «Вестнике Европы», 1884 г., № 2.
- 5) Воспоминания Житовой в «Вестнике Европы», 1884 или 1885 г. Первостепенной важности.
- 6) «Северный вестник», 1887 г., № 1—3, Луканиной.
- 7) Фета «Воспоминания» в «Русском обозрении», 1890 г., № 1—3. Первостепенной важности. Тут ряд новых и важных писем Тургенева.
- 8) «Северный вестник», 1883 г., № 10.
- 9) Полонского («Северный вестник»), № XI.
- 10) Аргамакова в «Историческом вестнике», 1883 г., № 11.

II. По критике:

- 1) Белинский.
- 2) Добролюбов.
- 3) Аполлон Григорьев.
- 4) Писарев.
- 5) Страхов («Критические статьи о Тургеневе и Толстом», СПб., 1885).
- 6) В известной степени книжка Буренина (СПб., 1885).
- 7) Михайловский, т. VI.
- 8) Миллер «Русские писатели после Гоголя».

Относительно своей книги брат просит, если бы вы захотели ею пользоваться, помнить, что она писана, когда автору было 19 лет.

С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ

Фотография, 1870-е годы

Литературный музей, Москва

Затем брат просит передать вам пожелания всяческого успеха в вашем столь интересном предприятии: знакомить англичан с нашей литературой. Надеюсь, что мы скоро услышим о выходе в свет вашего труда и прошу вас принять уверение в моем истинном уважении.

Зинаида Венгерова

В следующем письме от 17 мая 1890 г. Венгерова сообщала: «... получила из Петербурга несколько брошюр о Тургеневе в дополнение присланных ранее книг; пересылаю их вам сегодня. <...> Если вам нужны еще какие-либо справки о Тургеневе, пожалуйста, напишите, и я тотчас же спешу с братом».

По записным книжкам Степняка можно проследить ход его работы над книгой о Тургеневе: записи библиотечных шифров, многочисленные выписки из произведений Тургенева и трудов о нем, планы, хронологические схемы и перечни, конспект книги, черновые наброски отдельных глав. Степняк писал медленно и трудно, многократно перерабатывая и переписывая каждый абзац. До нас дошли четыре редакции первой половины книги, четыре черновых редакции и беловой текст раздела о «Дворянском гнезде», переработанного в самостоятельную статью, две черновых редакции и окончательный текст (машинопись) статьи о «Рудине».

Книгу о Тургеневе Степняк не завершил. Вероятно, одной из причин было отсутствие доброкачественных английских переводов большинства произведений Тургенева.

Степняк мог цитировать «Записки охотника», «Рудина», «Дворянское гнездо» и даже рассчитывать на то, что часть его читателей уже знакома с этими произведениями, — но большинство повестей и рассказов Тургенева на английском языке вообще еще не появлялось, а сделанные в Соединенных Штатах переводы романов с немецкого или французского, а то и с обоих языков сразу, были такого низкого качества, что рецензенты могли лишь выражать сочувствие Тургеневу. В Англии эти американские переводы распространения не получили, хотя и находились в продаже. Перейдя к рассмотрению «Накануне», Степняк оказался перед необходимостью пересказать подробно содержание романа и перевести наиболее существенные места из него. Так же пришлось бы поступить и со всеми остальными произведениями Тургенева, а это грозило значительным увеличением объема книги и весьма усложняло труд автора, с чрезвычайной ответственностью относившегося к качеству перевода. Можно думать, что результат вообще не удовлетворял Степняка, отнюдь не считавшего пересказ хорошим способом знакомства с художественными произведениями.

Среди тянувшейся к Степняку передовой английской молодежи была Констанция Гарнет, молодая учительница, знавшая несколько языков. По его совету она изучила русский язык, по его поручению ездила в 1891 г. в Россию и затем, при его деятельной помощи, взялась за переводы произведений русских писателей. Степняк решил дать английским читателям полного Тургенева — в сопровождении обстоятельных критических статей. Он успел переработать часть своей недописанной книги в самостоятельные статьи о «Рудине» и о «Дворянском гнезде», которые и были напечатаны в первом и втором томах собрания сочинений Тургенева в переводах К. Гарнет в 1894 г. (первый том подписан к печати 20 апреля, второй — 3 сентября). В статье о «Рудине» Степняк, обещая английским читателям «рассказать вкратце историю жизни Тургенева шаг за шагом, по мере появления его произведений», дает общую характеристику творчества писателя, который «был полон любви к свету, солнцу и живой поэзии»; Тургенев создал «целую галерею живых фигур, в особенности женских», обрисовал «широкий круг психологических наблюдений, разъяснил тончайшие оттенки человеческих чувств», изобразил «наиболее передовых мыслящих людей России <...> с точностью, глубиной, удивительной тонкостью и ясностью». «Но полным признанием он все-таки не пользовался, потому что ему пришлось писать в смутное время политической и общественной борьбы, когда лучшие люди страны были поглощены другими целями и интересами...» (С. М. Степняк-Кравчинский. Сочинения, т. II. М., ГИХЛ, 1958, стр. 488—501).

После гибели Степняка английское собрание сочинений Тургенева продолжало выходить, а вступительные статьи к томам писал муж переводчицы литературовед Эдуард Гарнет. В 1919 г. он выпустил составленную из этих статей небольшую (в 200 страниц) книжку о Тургеневе, никогда не переиздававшуюся.

* * *

Ниже публикуются в переводе с английского автографа фрагменты незаконченной книги Степняка о Тургеневе. Первая наиболее отделанная биографическая часть этой книги содержит обширные цитаты из «Воспоминаний» В. Н. Житовой, пересказ многих эпизодов из этой книги и сочинений других мемуаристов, перевод и пересказ отдельных мест из сочинений Тургенева («Литературных и житейских воспоминаний», «Стихотворений в прозе», «Автобиографии», повести «Переписка» и др.). Все это в публикации исключено, как и те разделы из второй части книги, которые были переработаны в опубликованные уже статьи.

Автографы, с которых сделан перевод, хранятся в ЦГАЛИ, ф. 1158 (С. М. Степняк-Кравчинского), оп. 1, ед. хр. 59 (основная рукопись), 118, 126, 136, 137, 139 (записные книжки, из которых извлечены, между прочим, и страницы о «Накануне»), 73 («История одной мечты»), 101 и 258 (переведенный Степняком отрывок из «Рудина»), 226, 352 и 792 (письма З. А. Венгеровой, Ф. Марзials и Н. П. Цакки).

ТУРГЕНЕВ *

Биография занимает важное место в изучении деятельности любого человека, оказавшего влияние на жизнь общества, так как помогает разобраться и в своеобразии его личности, и в причинах его поступков и в линии его поведения. Особенно большое значение получает биография, когда речь идет о писателе. Ведь жизненный опыт не только формирует в какой-то степени его личность, но и служит материалом, из которого он сам творит живые образы, живые характеры.

Конечно, нельзя быть писателем, не обладая достаточной долей творческой фантазии; теория «экспериментального романа», провозглашаемая крупнейшим из современных французских прозаиков¹, является лишь одним из многих доказательств богатства его фантазии. Но способность художника принимать, подобно Протею, любой облик, влезать в шкуру тех призрачных существ, которые он сам породил², чувствовать вместе с ними и угадывать их затаеннейшие мысли,— эта способность проявляется с особенной силой, когда ей на помощь приходят воспоминания о действительно пережитом и передуманном.

Личный опыт — вот капитал художника, и нет писателя, который бы из него не черпал. Особенно справедливо это в отношении крупнейших талантов — таких, как Тургенев, Джордж Элиот, Теккерей, Джейн Остен, граф Толстой,— которые стремятся быть верными правде жизни. Источником вдохновения для них всех служил личный опыт. В основе почти каждого созданного ими персонажа был живой прообраз, в подоплеке многих сюжетных ходов и эпизодов, составляющих необходимую часть художественной ткани произведения, обнаруживаются конкретные факты.

Пытаться проследить историю жизни большого писателя — все равно что вести раскопки в прекрасной горной цепи, контуры которой скрыты пышной растительностью,— кустарником, лесом, цветами; задача исследователя — копать вглубь, пока он не дойдет до гранитной основы, определившей очертания, которыми мы любовались. Подобное исследование, разумеется, никогда не бывает исчерпывающим, ибо большая часть жизни всякого человека остается тайной даже для самых близких друзей. Но геологам достаточно пробурить несколько шурфов, чтобы разведать искомые залегания и установить их границы.

Те документальные сведения о Тургеневе, которыми мы располагаем, хотя они и далеко не полны, позволяют все же предпринять изучение его жизни с двух сторон — как истории формирования его личности и как источника для его творчества. Прежде всего обратимся к событиям его детства, которое в обоих отношениях было важнейшим периодом его жизни <...>

К счастью для детей — Ивана и его старшего брата Николая — Варвара Петровна совсем не занималась их образованием, доверив его всецело французским и немецким гувернерам. Впрочем, сколько-нибудь существенного влияния на детей эти иностранцы, которых она к тому же меняла, как перчатки, не оказали. Как почти всюду в русских помещичьих семьях, в доме у Тургеневых эти учителя, совсем не говорившие по-русски, или, что хуже, говорившие на ломаном русском языке, были предметом не столько уважения, сколько насмешек.

Мальчики были предоставлены сами себе. Истинными воспитателями их были крепостные; с ними они играли, дружили, жили под общим гнетом, и так же, как они, зависели от милостей и капризов того же деспота. Условия не наилучшие для воспитания молодых дворян, но не такие уж плохие. Дворяная челядь русских помещиков представляла собой любо-

* Перевод с английского М. И. Перпера.

пытное явление. Это был бесспорно самый несчастный разряд крепостного крестьянства. Сельское население во времена крепостничества находилось в полной и абсолютной власти своих помещиков или их управляющих, однако самая многочисленность крестьян спасала их от наиболее неприятных последствий этой зависимости — вторжения в их личную жизнь. Они жили в собственных избах, пусть дымных, тесных и грязных; у них были клочки собственной земли, которые они возделывали для себя; скопив немного денег, они могли получить относительную свободу, откупаясь оброком от своего господина. Законных прав у крепостных не было никаких. Но существовали неписанные обычаи и традиции. В деревне был свой «мир», т. е. самоуправление, правда очень ограниченное и шаткое, но все же имевшее какую-то степень самостоятельности. Эти привилегии, не обусловленные законом, а проистекавшие из характера сложившихся общественных отношений, крестьянин утрачивал, когда его забирали от сохи в господский дом.

Зато дворовые были рабами в самом полном смысле слова, рабами, постоянно находившимися на глазах у господина, вынужденными исполнять все его прихоти и терпеть все его капризы и припадки гнева, не имевшими никакой собственности, рабами, которые даже собственное тело и душу не могли назвать своими.

И все же — так странно действует человеческое тщеславие — эти несчастные, — только потому, что их было сравнительно немного, что они находились близко к господам и одевались по-особенному, — с презрением взирали на основную массу крестьянства, как на людей, стоящих ниже.

В замечательном рассказе Тургенева из крестьянской жизни «Постоялый двор» крепостная горничная Дуняша чувствует себя глубоко обиженной, оскорбленной сватовством Акима только потому, что он — простой мужик, а она — потомственная дворовая. Между тем поклонник ее держал постоянный двор и мог ей предложить относительное благосостояние и независимость. Таково характерное свойство дворовых людей. Придворные какого-нибудь мелкого князя, полуголодные и задержанные, с таким же нелепым тщеславием смотрят на рядовых граждан княжества. Отношение дворовой прислуги к господам, особенно к господам из старых дворянских родов, в течение ряда поколений владевших своими поместьями, напоминает отчасти отношение бедных членов клана к своему вождю. Так уж устроен человек, что он не может жить собою одним. Ему необходимо выйти за пределы собственной личности, посвятить себя чему-то или кому-то, пусть даже отдать сокровища своей души недостойному, только бы не замкнуться в себе, не засохнуть в безжизненном одиночестве.

Толстой в «Детстве и отрочестве» дал нам замечательно яркий пример этой бескорыстной, слепой, собачьей привязанности в образе няни Савишны, которая была настолько предана интересам своих господ, что отказалась от замужества и знать не хотела своей родни; а когда госпожа собралась вознаградить ее за многолетнюю службу свободой и обеспечить ее старость, разорвала в клочки вольную и разрыдалась, сетуя, что, видно, не угодила господам, раз они хотят ее прогнать. Подобные персонажи не так уж редки. Они проходят через всю русскую литературу, начиная с «Капитанской дочки» Пушкина, именно потому, что люди такого типа встречались постоянно в русской действительности <...>

Жизнь русского мальчика среди крепостных слуг нельзя уподоблять жизни юного римского патриция или сына плантатора из южных штатов, выросшего среди отцовских рабов. Крепостные были русские, как и сам барчук. Они любили свою родину, испытывали патриотические чувства, и лучшие среди них имели свою гордость, свое человеческое достоинство, свои высокие помыслы. Их было за что уважать и любить. Это были преданные, любящие люди. Неудивительно, что маленький Тур-

«ПОДПОЛЬНАЯ РОССИЯ»
С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО.
ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ (МИЛАН, 1882)

Книга издана на итальянском языке
с предисловием П. Л. Лаврова

Титульный лист

LA
RUSSIA SOTTERRANEA

PROFILI E BOZZETTI RIVOLUZIONARI

DAL VERO

DI

STEPNIAK

già direttore di *Zemlia e Volia* (Terra e Libertà)

CON PREFAZIONE

DI

PIETRO LAVROFF

MILANO.

FRATELLI TREVES, EDITORI

1882.

генов чувствовал себя с ними гораздо лучше, чем со своей матерью. У них находил он истинную доброту и душевность. Из их рассказов он познакомился с историей своего рода <...>

Уже студентом, восемнадцати-девятнадцати лет, Тургенев стал противником крепостного права. Каждое лето он приезжал в свое родное Спасское. Мать, не проявлявшая к нему нежности в детстве, теперь любила взрослого сына, отдавала ему предпочтение перед всеми и даже старалась себя сдерживать ради него. При нем в царстве ужаса становилось легче дышать и мрачная раздражительность Варвары Петровны уступала место более ровному и мягкому настроению. Весь дом поэтому с надеждой ждал приезда Тургенева. Но, разумеется, облегчение бывало только временным и непрочным. Тургенев осторожно уговаривал свою мать изменить обхождение с дворовыми, доказывая, что, если она перестанет притеснять людей, они будут служить ей не за страх, а за совесть. Но привычка к деспотизму слишком глубоко укоренилась, и замечания сына только заставляли ее спрашивать подозрительно: «Что, разве кто-нибудь жаловался тебе?»³ Тургенев отчаялся и бросил безнадежное дело. Дома он, впрочем, старался не засиживаться. Он увлекся охотой и неделями бродил по полям и лесам с ружьем и собакой, наслаждаясь природой, приглядываясь к крестьянам, обнаруживая и изучая разные типы, встречающиеся среди них, и все больше приучаясь любить их, уважать и жалеть.

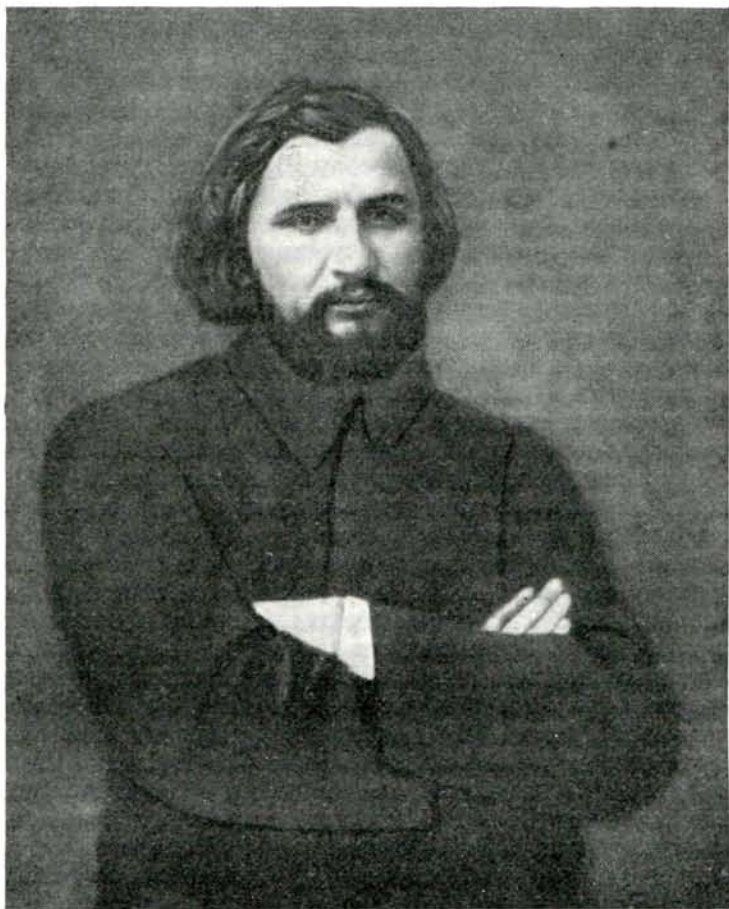
Встречался он и с представителями своего класса, непрерывным потоком проходившими перед его глазами. В доме Тургеневых царило старинное гостеприимство — обычай, необходимый в стране, где дворянские поместья находились на таком расстоянии друг от друга, что обыкно-

венные визиты и званые обеды были возможны лишь для самых близких соседей. Чтобы удовлетворить потребность общения с себе подобными и заполнить тоску и пустоту деревенской жизни, наши предки превращались в своеобразных содержателей гостиниц <...> В дни рождений, на именины и другие праздники к Тургеневым съезжались родные и знакомые за сотни верст, целыми семьями, с чадами и домочадцами, и гостили по несколько недель — ели, пили и развлекались кто как хотел, — в зависимости от склонностей и возраста — кто охотой, кто пикниками, кто танцами и любезностями, кто — картами. Все это обогащало память и фантазию наблюдательного и впечатлительного юноши образами и картинами, из которых он создал впоследствии свою удивительную галерею.

Новая жизнь началась, когда Тургенев, по окончании университета, уехал на два года за границу, чтобы завершить образование в Берлинском университете ⁴. В России в этот период университетская наука стояла очень низко; профессора, мало чем отличавшиеся от школьных учителей, читали свои лекции по какому-нибудь учебнику, приспособленному к вкусам власть имущих. Поэтому молодые люди, стремившиеся к знаниям — и Тургенев в их числе, — были убеждены, что серьезно учиться можно только на Западе, в чем, кстати, их поддерживали и сами профессора. Итак, Тургенев отправился за границу в поисках знаний. Но нашел он там нечто поважнее науки. Поселившись в Берлине — тогдашнем средоточии немецкой философии, — он начал усердно посещать лекции и заниматься дома, чтобы пополнить пробелы в своем образовании. Но он был не единственный русский студент в Берлине. Громкая слава Берлинского университета привлекала много русской молодежи. Одни приезжали на несколько лет, другие — на несколько месяцев, и все они, оказавшись в чужом городе, неизбежно стремились сплотиться, часто посещали друг друга и беседовали, не стесняемые боязнью полицейских шпионов. Среди людей, с которыми Тургенев встречался в Берлине, достаточно назвать имена профессора истории Грановского, чьи великолепные лекции составили эпоху в русской университетской науке, великого агитатора и революционера Михаила Бакунина, а также одаренного юношу Станкевича, который прожил немногим больше 20 лет и не оставил никаких трудов, но успел глубоко повлиять на всех, с кем соприкасался. Это была, должно быть, одна из тех благородных, идеальных натур, которые покоряют своей моральной чистотой и высоким душевным строем.

Большое влияние оказал также на Тургенева — об этом нельзя было писать в русской печати — его дядя Николай Тургенев, известный декабрист (член общества, устроившего 14 декабря 1825 г. военное восстание в Санкт-Петербурге) ⁵. Это был один из благороднейших и замечательнейших людей своего поколения. Прирожденный государственный деятель, он рано привлек внимание министров Александра I и самого царя, назначившего его на пост министра внутренних дел и говорившего, что это единственный человек, который в состоянии заменить великого министра Сперанского. Николай Тургенев занимал и другие важные посты. Уже в 1820 году он подал царю записку о необходимости уничтожить крепостное право ⁶. Записка эта произвела на царя такое впечатление, что он обещал непременно «сделать что-нибудь для крепостных» — и не выполнил обещания.

Несмотря на отсутствие прямых доказательств участия Николая Тургенева в заговоре 14 декабря, он как член тайного общества, подготовившего почву для этого заговора, был вместе с другими приговорен к смертной казни и избежал мести Николая I только благодаря тому, что случайно оказался за границей в тот момент, когда царь Александр внезапно умер и заговорщики решили воспользоваться растерянностью, охватившей высшие правительственные сферы. Николай Тургенев поселился

ТУРГЕНЕВ

Фотография с дагерротипа 1840-х годов

Экземпляр из бумаг А. И. Герцена

Центральный архив литературы и искусства, Москва

после этого во Франции, где выпустил книгу «Россия и русские», в которой впервые перед лицом западного цивилизованного мира утверждалось право русского народа на свободу.

Живя за границей, Тургенев время от времени бывал у своего дяди и глубоко к нему привязался. Орел мученика за великое дело, так сильно импонирующий молодежи, могучий ум, поразительная целеустремленность и сила характера (всегда производившая особое впечатление на Тургенева), — все это вместе взятое оказало сильнейшее воздействие на двадцатилетнего юношу. Он сделался восторженным поклонником своего дяди, который преподавал ему первые уроки политического мышления, передал ему сквозь всю жизнь пронесенную ненависть к крепостничеству, свои свободололюбивые идеалы.

Итак, первая поездка за границу привела Тургенева в лагерь сторонников русской свободы. Это благотворное влияние имело, однако, и неприятную сторону. Николай Тургенев был политическим эмигрантом. Для подданных мрачного и подозрительного Николая I было вовсе не безопасно встречаться, а тем более сближаться с таким известным врагом

царя, как Николай Тургенев. То, что их связывали родственные отношения, не меняло дела по существу. Молодой Тургенев старался держать свои посещения дяди втайне, но у него никогда не было уверенности в том, что ему удалось обмануть бдительность полицейских шпионов, следивших за домом знаменитого эмигранта. Уже в старости Тургенев рассказывал нашему другу, профессору Драгоманову, о муках страха, терзавших его из-за этих посещений. Чувство страха, бывшее проклятием его детства, вновь охватило Тургенева, причем в такой форме, которая далеко не благотворно действует на чувствительный, склонный к фантазированию и от природы робкий характер.

В 1841 году Тургенев вернулся в Россию <...>

Он уже переступил грань, отделяющую подростка от мужчины. Его взгляды и стремления сделались шире. Он сильно подвинулся в своем умственном развитии и стал гораздо богаче опытом.

В петербургском литературном мире, тогда настолько узком, что всякое новое, сколько-нибудь интересное лицо привлекало к себе внимание, Тургенева сразу заметили как остроумного собеседника, как образованного человека, отлично владеющего семью языками и хорошо знающего европейскую литературу, и как аристократа, пробующего силы в литературе⁷. Однако в том литературном кружке, куда его неудержимо влекло, он произвел впечатление неблагоприятное. Юношеская резкость и самонадеянность (усугубленные воспитанием среди крепостных), беспорядочность пылкого воображения отталкивали от него лучших из современников, которые лишь позднее разглядели золото под грязью. Помертвело, стремление блистать в обществе, рисовка — черты, вообще свойственные молодым людям, у Тургенева доходили до крайности. Один из его ближайших друзей рассказывает, что в глазах Тургенева того периода походить на других было самым унижительным состоянием, в какое мог попасть смертный⁸. Он хотел отличаться от всех и во всем. Иногда это стремление побуждало его рассказывать о себе такие вещи, от которых впоследствии он упорно отрекся. Так он называл клеветой приписываемое ему утверждение, будто перед Сикстинской Мадонной он чувствовал зуд под коленями и ощущал, как икры его ног становились треугольниками. Однако в свое время он именно это утверждал⁹.

Он не мог вынести, чтобы кого-либо хвалили или превозносили. Новым светилом на литературном небосклоне был тогда Достоевский. Тургенев вызвал своими шутками и насмешками в талантливом, но недостаточно находчивом и страшно впечатлительном молодом человеке глубочайшую ненависть, от которой автор «Преступления и наказания» так и не избавился до конца жизни. Особенно болезненно подействовала на Достоевского сочиненная Тургеневым пародия на «Бедных людей» (в виде послания героя к автору), в которой до отвращения часто повторялись ласкательные слова, употребляемые персонажами Достоевского¹⁰.

Сочинение пародий и карикатур на друзей и знакомых было в то время излюбленным занятием Тургенева. Он находил удовольствие в высмеивании даже таких людей, к серьезным задачам и занятиям которых он на самом деле относился с сочувствием и уважением¹¹. Лишь бы произвести впечатление — только это одно имело для него важность. Короче говоря, он был одним из тех, кто, по русской поговорке, для красного словца не пожалеет ни мать, ни отца. На него смотрели как на человека, от которого нельзя ждать ни одного искреннего слова, ни одного искреннего движения души; чья речь становится занимательной только когда он принимается фантазировать, сознательно искажая факты и рассказывая самые невозможные небылицы.

Иногда пренебрежение к правде приводило его к тому, что он позволял себе шутки явно дурного тона¹² <...>

В то время он очень страдал от безденежья, так как мать нарочно выдавала ему совершенно мизерное содержание. А ему хотелось блистать великолепием, богатством, и чтобы скрыть свою бедность, он прибегал ко всяческим недостойным ухищрениям, не говоря уж о простой лжи.

Трудно поверить, что таким был когда-то человек, которого мы знаем деликатнейшим, утонченно вежливым, щедрым и великодушным, почти идеально простым в обхождении и высоко благородным. Тем не менее, все это правда. Изучая жизнь Тургенева, мы наблюдаем не только развитие его замечательного таланта, но и постепенное превращение грубого, самонадеянного, бесцеремонного юноши в скромнейшую, чистейшую, благороднейшую личность. «Внутренний человек» постепенно пробился сквозь грубую скорлупу, в которую был заключен; в этом процессе высвобождения и очищения немалую роль сыграли годы и пережитые страдания, но больше всего — священное пламя искусства, неугасимо пылавшее в его душе. Искусство не выносит притворства, неискренности, аффектации. Искусство есть истина. Ложное искусство — это не плохое искусство, а вообще не искусство, так же как поддельное золото вообще не золото. Тургенев родился художником в самом полном, самом истинном смысле этого слова.

Даже в худший период своей жизни, когда он был беззащитным хвастуном, он делался простым, естественным, правдивым, как только брал в руки перо. По мере же того, как развивался его талант художника, в нем самом все больше и больше перевешивало стремление к правдивости. Конфликт между заключенными в нем двумя характерами должен был разрешиться победой лучшего и сильнейшего из них. То, что возобладало в основном, должно было победить и в частностях.

К этому времени относится вступление Тургенева в литературу. В 1843 г. он написал поэму («Параша»). Почему он начал пробу сил с поэзии, объяснить нетрудно. Ему хотелось выразить все, что бурлило в его молодом сознании, и он воспользовался для этого наиболее популярной в то время литературной формой.

Верховным властителем дум был тогда великий поэт Пушкин, которого мы считаем основателем нашей национальной литературы. Со смерти Пушкина (1837) прошло всего несколько лет. Лучшие произведения Пушкина — поэмы; его проза, за исключением одной неоконченной повести, не идет ни в какое сравнение с ними. И вот русскую литературу заполнили стихи. Даже Гоголь, наиболее поэтический из наших гениальных писателей, начинал стихами.

Человеку с таким поэтическим талантом, как Тургенев, нетрудно было ошибиться в своем призвании и попытаться следовать за учителем не только в содержании, но и в самой форме. Прием, оказанный его первой поэме, поддержал это заблуждение, побуждая его продолжать в том же духе.

Русская литература, находившаяся тогда в периоде становления — все написанное до Пушкина, за исключением, пожалуй, одной только комедии Фонвизина, имеет лишь цену исторических документов, — эта молодая литература получила, к счастью, замечательного критика Белинского, который так же велик в своей области, как Пушкин в своей. В Западной Европе о нем не слышали, да, пожалуй, и не услышат. Даже в России, где его имя — одно из самых славных, широкая публика уже его не читает. Творчество критика, как и всякого крупного публициста, обычно исчерпывается и поглощается его современниками целиком. Его влияние подобно воздействию дождя, который, впитавшись в почву, вызывает к жизни новые побеги, но не образует вечно текущих рек. При всем том влияние Белинского на современников — да и на последующее поколение — было огромно.

Художественного критика часто недооценивают, считают его деятельность как бы второразрядной. Может быть, это отчасти происходит потому, что каждый человек, обладающий литературным вкусом, является в какой-то мере художественным критиком, так же как каждый, кто может увлечь ребенка сказкой или живо описать характер, пейзаж, является в какой-то мере писателем. Между тем глубочайшее постижение красоты встречается столь же редко, как высочайшая способность к творчеству. Великих критиков так же мало, как великих поэтов и прозаиков, — еще меньше, пожалуй. В России, где литературный вкус сравнительно высок, на полдесятка великих поэтов, романистов, драматургов и сатириков приходится только один великий критик — Белинский <...> Белинский был передовым мыслителем, блестящим, огненным публицистом и в то же время художественным критиком, обладающим настоящим художественным чутьем. Проницательность его представляется чуть ли не сверхъестественной. Прочитав первое юношеское произведение Достоевского, он не только приветствовал его как великого писателя, но пророчески предсказал всю его литературную судьбу. Так же он сразу определил возможности одного второстепенного писателя, Григоровича, указав новый тип произведений, которым тот обогатит русскую литературу. Прочитав первые стихи Лермонтова, напечатанные анонимно в незначительном журнале, Белинский объявил его великим поэтом, будущей славой земли русской.

Эстетическое чутье Белинского было безошибочно. Навряд ли найдется хоть одно его суждение, которое не было бы принято и подтверждено потомством, а если между Белинским и современными критиками обнаруживаются расхождения, то всякий непредубежденный судья станет на сторону того, кто наблюдал первые шаги писателей, а не на сторону его новейших противников, которые имеют возможность судить этих писателей на основании всего их творческого пути.

Невозможно переоценить услуги, оказанные Белинским русской литературе в тот ранний период ее становления, когда и писатели и читатели одинаково нуждались в твердом советчике и руководителе, способном указать правильный путь и предостеречь от опасностей.

Это Белинский истребил старую напыщенную, подражательную школу лжеискусства. Это он истолковал творчество Пушкина и Гоголя, обеспечив победу их направлений и облегчив первые шаги их последователям.

Развитие русской литературы по тому пути, по которому оно пошло, было неизбежно, потому что только этот путь отвечал национальному духу русского народа. Но навряд ли это развитие совершилось бы так быстро и уверенно без могучей помощи великого критика.

Когда Тургенев вступал на литературное поприще, Белинский был в апогее своей славы и расцвете сил. С бьющимся сердцем принес молодой автор экземпляр только что вышедшей своей поэмы на квартиру Белинского, оставил его слуге, отворившему дверь, и уехал затем к себе в Спасское — ожидать отзыва Белинского. Этот отзыв, появившийся в майской (1843 года) книжке «Отечественных записок», может служить еще одним примером проницательности критика. Как всегда с начинающими писателями, в которых он признавал талант, Белинский был очень снисходителен, но не перехвалил Тургенева. Он достаточно ясно дал понять, что это поэт не первого ранга, отметил подражание Пушкину и особенно — Лермонтову, но подражание исторически оправданное, а не рабское¹³. Ведь только совершенно лишенные дарования люди впадают в холдное и бездушное подражательство, а критик обнаружил у молодого автора «необыкновенный поэтический талант», верную наблюдательность, глубокую мысль, выхваченную из тайника русского сознания, глубокое

чувство действительности — качества, показывающего в авторе сына своего времени, носящего в груди своей все скорби и вопросы его.

В прозе Тургенева все эти качества действительно выступают ярко, но поразительно, что великий критик сумел обнаружить их и в другой форме, чуждой истинному призванию писателя.

Этот отзыв Белинского, говорит Тургенев, определил его судьбу, дал ему мужество возвратиться к литературным занятиям¹⁴.

Однако эту небольшую поэму (она называлась «Параша») нельзя найти в собрании сочинений Тургенева. Писатель, так высоко ценивший поэзию, считал свои стихотворные произведения негодным хламом, не имел у себя ни одного экземпляра своих поэм, никогда не перечитывал их и чувствовал к ним положительную, чуть ли не физическую антипатию. Он говорил, что дорого бы дал, чтобы их вообще не существовало на свете¹⁵ <...>

Но Тургенев не отказывался от своих пьес, хотя некоторые из них слабее «Параша». Эта странная антипатия к собственным стихотворениям объясняется, вероятно, особенностями психологии писателя, который на протяжении трех лет пытался покорить своей воле упрямого Пегаса и так устал от этих бесплодных попыток, что потерял веру в себя и «возымел твердое намерение вовсе оставить литературу», — как он сам сообщает в своих воспоминаниях¹⁶. В столе у него лежало несколько рассказов и очерков, но по своей чрезвычайной скромности и робости, боязни поверить в свои литературные силы, Тургенев не придавал им никакого значения и даже не пытался их опубликовать <...>

<...> В 1846 г. г-жа Виардо, после гастролой в Петербурге, уехала в Берлин, где у нее был ангажемент в Королевской опере. Тургенев последовал за ней и провел за границей четыре года. Этот период особенно значителен в жизни писателя. Ведь именно тогда, во время своего длительного пребывания за пределами родины, он «нашел себя», понял характер своего дарования, что почти так же важно, как обладать этим дарованием.

Тургенев написал тогда большую часть очерков, собранных потом под общим заглавием «Записок охотника». Это было выполнение его Аннибаловской клятвы, его способ борьбы против ненавистного врага — крепостного права.

В своих воспоминаниях Тургенев говорит, что не мог бы написать эти очерки, если бы не уехал из России. Ему нужно было удалиться от этого страшного зла, именуемого крепостничеством, чтобы лучше его разглядеть и определить его истинные размеры. Очутившись в чуждой, безразличной для него обстановке, не возбуждавшей в нем никаких художественских переживаний, он сумел внимательнее прислушаться к голосу своего еще до конца не раскрывшегося таланта и следовать его велениям¹⁷.

Первый рассказ из этого замечательного ряда называется «Хорь и Калиныч». Это превосходное изображение «во весь рост» двух крестьян, закадычных друзей, представляющих полную противоположность друг другу. Один — прирожденный поэт и мечтатель, другой — практический мыслитель, человек с задатками государственного или политического деятеля. Этот двойной портрет остается одним из лучших образцов писательского мастерства Тургенева.

«Хорь и Калиныч» был напечатан в одном из русских журналов¹⁸ и встретил восторженный прием со стороны Белинского и читательской публики. Воодушевленный этим одобрением, Тургенев написал за несколько месяцев еще семь очерков, а за два года создал почти все произведения, составившие книгу, которая вышла в 1852 году под прославленным теперь названием «Записки охотника».

Эта книга определила творческий путь писателя, позволила ему сразу занять высокое место в литературе и остается до сих пор самым популяр-

ным из его произведений. Отношение читателей к Тургеневу в дальнейшем не раз менялось. Мы не знаем писателя, который бы пережил больше взлетов и падений во мнении публики, чем он. Но «Записки охотника» оставались неизменно на своем месте. Самые раздраженные критики никогда не осмеливались нападать на них, — даже те, чья слепота доходила до почти полного отрицания за Тургеневым какого-либо таланта, делали исключение для этой книги, называя ее шедевром, нетленным гениальным творением.

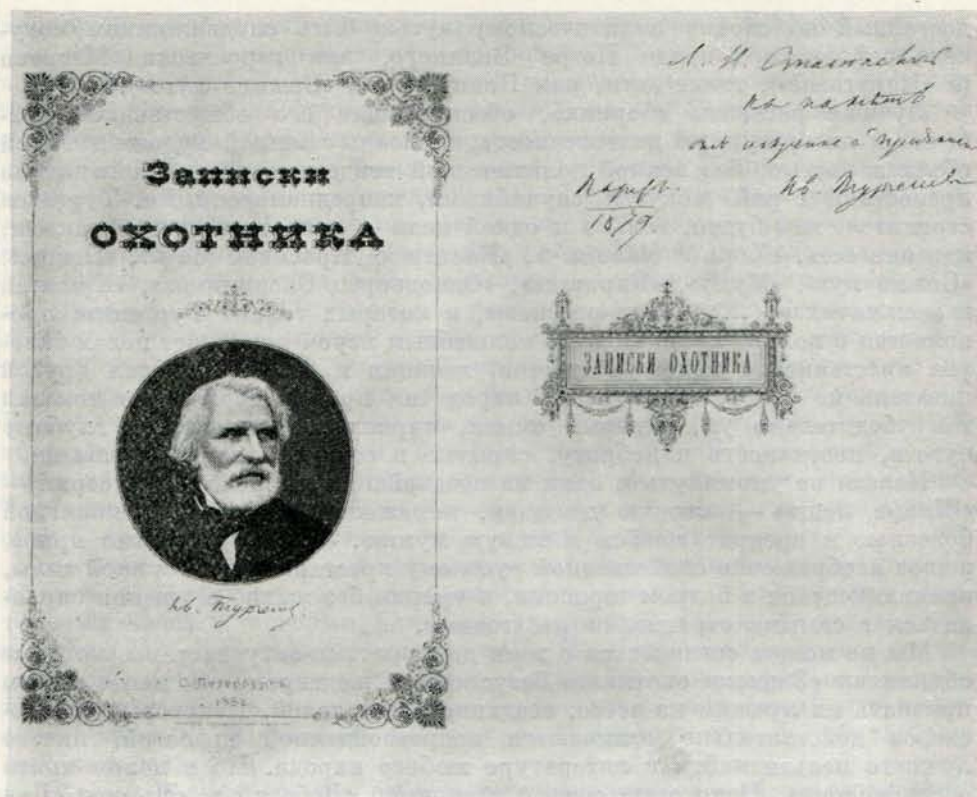
Переменчивое, своенравное и бесцеремонное коллективное существо, именуемое читающей публикой, на этот раз оказалось заодно с критиками. Книга сразу была раскуплена, и читательский спрос на нее все возрастал; до самого конца жизни эта книга служила автору источником постоянного дохода. Несомненно, общественное и политическое значение этой книги как протеста против крепостного права, как удара по крепостничеству ценилось не меньше, чем ее художественные достоинства.

В одной английской статье о Тургеневе говорится, будто царь Александр II заметил как-то, что без «Записок охотника» не было бы освобождения крестьян¹⁹. Этому навряд ли кто поверит. Но никто не оспаривает широко распространенного мнения, что «Записки охотника» являются русской «Хижинкой дяди Тома» и сыграли такую же роль в подготовке освобождения крестьян, какую сыграл роман Бичер-Стоу в деле освобождения черных рабов южных штатов.

Рискуя показаться самонадеянным, я должен заметить, что эта освященная временем оценка преувеличена, а вернее ошибочна. «Записки охотника» отнюдь не являются русской «Хижинкой дяди Тома», во-первых, и не сыграли приписываемой им роли в освобождении крестьян, во-вторых. Не требуется повторять ту самоочевидную истину, что в такой стране, как Россия, ни одна книга не могла оказать столь решительное, непосредственное и осязаемое влияние на ход политических дел; подобное действие возможно только в странах, где общественное мнение является решающей силой, определяющей всю жизнь нации. И нетрудно доказать, что книга Тургенева — даже в ограниченных размерах, допускаемых условиями русской жизни — такого действия не имела. Безусловно, в свое время она сыграла роль в развитии борьбы против крепостного права. Ее объявили «возмутительной», Тургенева арестовали на месяц, а потом выслали на шесть лет в его поместье²⁰, правда, под другим предлогом; цензора, пропустившего книгу, сместили с должности за недосмотр... И все же нельзя рассматривать «Записки охотника» как самое значительное антикрепостническое произведение в России, подобное аболиционистскому роману Бичер-Стоу в Соединенных Штатах. Тургенев писал не для масс, а для немногих избранных, и через этих избранных он в конце концов завоевал внимание более широких читательских кругов²¹.

«Антон Горемыка», крестьянская повесть Григоровича, вот что произвело в России впечатление, в какой-то мере напоминающее эффект «Хижины дяди Тома». Теперь эта повесть забыта, потому что как произведение литературы она столь же незначительна, как и знаменитая американская книга. Но она полна сочувствия к страданиям угнетенных крепостных крестьян и имела когда-то огромный успех у широкой публики, которая в России, как и всюду, живет эмоциями. Над повестью Григоровича, а не над рассказами Тургенева, проливались потоки слез: без такой поливки подобные произведения, видимо, не могут успешно прозябать.

Влияние «Записок охотника» было и благотворнее и несравненно обширнее, чем влияние всех «Антонов Горемык» вместе взятых. Но оно

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА». ПЕРВОЕ СТЕРЕОТИПНОЕ ИЗДАНИЕ (СПб., 1880)
С ЦАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ:

«Л. И. Стасюлевич на память от искренне ей преданного Ив. Тургенева. Париж, 1879»

Титульный лист с портретом Тургенева (гравюра И. И. Матюшина) и шмуцтитул. Дата выхода книги в свет «1880» обозначена неточно — она вышла в октябре 1879 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

было совершенно иным, потому что в основе его лежала не чувствительность публики, возбудить которую не слишком трудно, а не допускающее преувеличений истинное художественное достоинство. Истинное искусство убеждает само по себе. Его достоверность — в нем самом. Оно само живет, и его произведения так же реальны для нас, как то, что мы видим и осязаем. Люди, никогда не бывавшие на войне, чувствуют, прочитав «Войну и мир» Толстого, что там дана истинная картина войны, как она есть. Так же воспринимаются рассказы Тургенева. Они обладают абсолютной убедительностью. Человек, никогда не бывавший в русской деревне, не видевший в лицо русского крестьянина, не сомневается, что в произведениях Тургенева изображены действительные русские характеры.

Эти яркие, живые, чудесные рассказы редко оставляют тяжелое впечатление. Крепостное право в них большей частью находится за сценой, иногда вообще за пределами видимости. Нам редко приходится жалеть крестьян. Но зато мы учимся любить и уважать их, видим, что они такие же люди, как мы сами, и одарены такой моральной силой и уместными способностями, которым могут позавидовать даже самые гордые из нас. В книге нет прямого протеста против крепостных порядков. Но что может быть сильнее и неодолимее этого косвенного протеста? Держать в рабстве народ, среди которого есть такие люди, как Хорь,

достойный по своему политическому чутью быть сподвижником могучего реформатора вроде Петра Великого, как героическая Матрена (в «Каратаеве»), такие дети, как Павлуша (из «Бежина луга»)...

Лучшие рассказы сборника, обеспечившие его общественное значение и литературную долговечность, написаны с полной художественной объективностью, без всякой политической тенденциозности. Нападки на крепостной строй кажутся случайными, непреднамеренными. Тургенев стремится, как будто, только к одной цели — описать крестьян такими, как они есть. «Хорь и Калиныч», «Касьян с Красивой Мечи», «Певцы», «Бежин луг», «Муму», «Каратаев», «Однодворец Овсянников», «Ермолай и мельничиха» <...> — вот рассказы, в которых талант Тургенева проявляется в полной силе. Под его волшебным пером возникает целая галерея крестьянских типов — мужчин, женщин и детей. Ни один другой писатель не изображал русский народ так проникновенно, не показал так убедительно ум, здравый смысл, терпеливое мужество, глубину чувств, поэтичность и доброту, скрытые в сердце русских крестьян.

Нельзя не упомянуть и один из позднейших рассказов этой серии — «Живые мощи» — историю девушки, пораженной какой-то непонятной болезнью и превратившейся в живую мумию. Это поразительно яркое, живое изображение свойственной русскому крестьянину пассивной силы, проявляющейся в бодром терпении, в умении без жалоб и уныния справляться с самыми страшными невзгодами.

Мы не можем согласиться с теми демократами-энтузиастами, которые объявляют «Записки охотника» безусловным шедевром, тем менее можем признать их лучшим из всего, созданного писателем. Некоторые из рассказов действительно отличаются непревзойденной красотой, ничего лучшего нельзя найти в литературе любого народа. Но в целом книга очень неровна. Некоторые очерки, например «Лебедянь», «Льгов», «Два помещика», «Малиновая вода», представляют собой просто беглые зарисовки наблюдений, не отличающиеся ни глубиной, ни емкостью мысли²².

Другие, вроде «Конторы» и «Бурмистра», чересчур прямолинейно изображают зло крепостничества. Современников они, возможно, волновали больше других рассказов, но на нас уже не могут производить такого впечатления, так как описывают общественное явление, оставшееся в прошлом и теперь представляющее лишь исторический интерес, а не живых людей, которые увлекают воображение читателя во все времена.

Рассказы Тургенева значительно способствовали усилению того взгляда на вещи, при котором уничтожение крепостного права стало не только политической, но и нравственной необходимостью. Но влияние «Записок охотника» простирается гораздо дальше. Тургенев сумел духовно сблизить образованные сословия с народными массами, он перекинул мост через разделявшую их бездну сословных предрассудков и кастовых различий. Оттого что Тургенев, когда писал свою книгу, ставил перед собой определенную цель и цель эта достигнута, книга не потеряла своей художественной ценности, ибо она прежде всего — произведение искусства. Теперь ее понимают лучше, чувствуют глубже и непосредственнее, более широко читают, чем четверть столетия назад. Уже два поколения воспитаны на этой книге, и для многих еще она останется источником таких же свежих и ярких впечатлений, возбуждающих мысль²³ <...>.

В романе «Накануне» нашли выражение новые стремления нового поколения, жажда активного участия в жизни, дел, а не слов²⁴.

Это нравственное пробуждение россиян началось с женщин. Образованные женщины появились в России только в сороковых годах. Прежде мысль о женском образовании воспринималась как дерзкое вольтерьянство, которым грешили лишь очень немногие из дворян. Чтобы быть

достойной руки самого блистательного из представителей русской аристократии, от барышни-невесты требовалось совсем немного: умение читать молитвенник, да расписаться на деловом документе. Если она вдобавок еще читала французские романы, на нее смотрели как на чудо учености. Наши прадеды мало интересовались литературой, а наши прабабки даже не подозревали ее существования. Женщины не принимали никакого участия в интеллектуальной жизни страны, ничего не понимали в политике. В семье они занимали подчиненное положение. Зато они не подвергались непосредственно губительному воздействию крепостнического государства, которое коверкало жизнь мужчин, уродуя их характер, приучая к трусости и рабской покорности. Недостаток умственного развития вполне компенсировался силой непосредственного, искреннего энтузиазма, энергией страсти, которую мужчины того же поколения растрачивали впустую, в бесплодных попытках и стремлениях. И вот, когда время разговоров прошло, когда потребовались дела, впереди оказались женщины. Так было не всегда. В следующий период мы встречаем мужчин, не уступающих в энергии женщинам. Но во время Тургенева этот контраст был особенно силен, и писатель — верное зеркало своего времени — отобразил его в своих произведениях.

Во всех его романах мы находим рядом с высоко интеллектуальными, но слабыми, бесхарактерными мужчинами сильных, энергичных, решительных женщин, которым, благодаря цельности характера и силе воли, принадлежит нравственное главенство²⁵. Но нигде этот контраст не выступает так ярко, как в «Накануне». Главный персонаж романа Елена — характер не просто энергичный, но героический, восходящий к пушкинской Марии (из «Полтавы»), которая «с неженской душой любила бранный звон литавр».

Здесь я должен сделать небольшое отступление о генеалогии русского романа, о духовном родстве лучших русских писателей. Следуя за г. де Вогюэ²⁶, бесспорно талантливым и блестящим критиком, но слишком часто оказывающимся плохим путеводителем по русской литературе, все зарубежные авторы, насколько мне известно, считают родоначальником русской прозы Гоголя, а Тургенева изображают его прямым последователем. Это, на мой взгляд, совершенно ошибочно. Гоголь был величайшим прозаиком, которого знала Россия. Он стоит выше всех наших писателей, поскольку он определил новое направление русской литературы, привел ее от пустого романтизма к описанию реальной жизни. Гоголь был первым русским реалистом: он основал школу, которая требовала от писателя искусства проникать воображением в самые недра земной жизни, а не парить над ней в безжизненной атмосфере романов с невозможными, несуществующими героями. Но Гоголь не был нашим первым романистом. Настоящий родоначальник русской литературы не Гоголь, а Пушкин.

Трудно найти двух писателей, настолько противоположных, как Гоголь и Тургенев. Гоголь сух, как поросль кактусов: ни тени, ни травинки кругом. «Мертвые души» — это сборище характеров, поразительно живых и ярких, но стоящих как-то особняком, отдельно друг от друга, словно портреты в картинной галерее. Их не связывают ни движения страстей, ни какие-либо внутренние отношения и влияния. Гоголь не умел описывать человеческие страсти, он оказывался до смешного беспомощным, когда пытался изобразить любовные сцены. Его замечательная книга более похожа на путевые записки, чем на роман. Ни настоящего, живого сюжета, ни проблеска чувства, ни единого женского образа, ни одной поэтической строки. Даже его знаменитые лирические отступления не более, чем великолепные образцы риторики.

Тургенев явно представляет полную противоположность. Никто в русской литературе не умел так искусно, как он, сплести разные элементы

НА КАНУНЪ

П О В Е С Т Ъ

ПОВЕСТЬ «НАКАНУНЕ».
ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Вырезка из журнала «Русский вестник» (1860, № 1)

Экземпляр, подаренный автором
А. Н. Островскому

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

I

Въ тѣмъ высокой лины, на берегу Москвитинки, недалеко отъ Куницына, въ одинъ изъ самыхъ жареныхъ лѣтнихъ дней 1833-го года, лежали на травѣ два молодыхъ человека. Одинъ, изъ нихъ лѣтъ двѣнадцати-трехъ, высокаго роста, черномазый, съ острыми и некимого кривыми носомъ, высокимъ лбомъ и сдержанною улыбкой изъ широкихъ губахъ, лежалъ на спинѣ и задумчиво глядѣлъ вдаль, слегка пригнувъ свои небольшие свѣтлые глаза; другой лежалъ на груди, подпирая обѣими руками кудрявую блондиную голову, и тоже глядѣлъ куда-то вдаль. Онъ былъ тремя годами старше своего товарища, но казался гораздо моложе — усы его едва пробивались и на подбородкѣ виденъ легкій пушокъ. Было что-то дѣтско-милостивое, что-то привлекательно-наивное въ медленныхъ чертахъ его свѣтлаго, круглаго лица, въ его сдвинутыхъ, яркихъ глазахъ, красныхъ, выпуклыхъ губахъ и блѣдыхъ ручкахъ. Все въ немъ дышало счастливымъ веселостію здоровья, дышало молодостію, безпечностію, самонадеянностію, избыточностію, предѣльною молодостію. Онъ и пошевелилъ глазами, и улыбнулся, и подирился

романа в единое художественное целое. Живые, напряженные и драматичные сюжеты его романов вызывают тем большее восхищение, что они чрезвычайно просты. Тургенев — художник и поэт, и генеалогию его надо вести от поэта, от Пушкина, чьим восторженным учеником и поклонником он всегда себя объявлял. Но за образец Тургенев брал не прозаические повести, которыми наш великий поэт занимался в конце своего творческого пути. Ведь Пушкин смотрел сперва на прозу как на более низкий род литературы, не требующий такого труда, такого напряжения мысли, такой строгой упорядоченности, как поэзия, представляющий собой нечто вроде приятной болтовни. Так кавалерийский офицер считает для себя позором служить в пехоте. И в самом деле, большинство повестей Пушкина — это простые небрежные рассказы, далеко не первоклассные, как «Дубровский» и «Метель», либо страдающие серьезными недостатками, как «Капитанская дочка». Высокое понимание прозы пришло к Пушкину в самом конце жизни, — как можно видеть по его незаконченным «Египетским ночам». Но Пушкин оставил нам роман, который он писал, главу за главой, в течение восьми лет, в который он вложил всю силу своего таланта. Несмотря на некоторые неровности, вызванные слишком большими промежутками между написанием и изданием, этот роман в стихах — величайший в нашей литературе, и в нем следует искать истоки творческого метода Тургенева. Простота, искренность, правдивость — вот характерные свойства русского искусства во всех его отраслях, свойства, соответствующие характеру русского народа. Пушкин первый положил эти принципы в основу словесного искусства. Тургенев следовал за ним по пятам, не только свято, целиком и

полностью, соблюдая эти великие заповеди истинного родоначальника русской литературы, но и подражая ему в форме своих произведений. Романы Тургенева можно назвать поэмами, так они кратки и сжаты, сосредоточенны, свободны от всяких ненужностей. Это чистое выдержанное вино, без единой капли воды, без примеси. Та же ясность и выразительность, то же изящество, та же сдержанность.

Сравнивая два родственных характера — Марию и Елену, — трудно различить, какой создан поэтом, а какой прозаиком. Мы ни на минуту не хотим предположить, что Тургенев заимствовал у Пушкина образ героической девушки, возможно, он даже не думал об этом, не видел никакой родственной связи между своей Еленой и героиней пушкинской поэмы. И характер девушки и основные линии романа были взяты из жизни, из истинного происшествя <...> ²⁷

Тургенев вспомнил об этой истории, когда искал сюжет для выражения новых мыслей, новых понятий, заполнивших его сознание. Лучшего нельзя было найти. Главной в новом романе Тургенева должна была стать политическая идея. Но в тот период (незадолго до отмены крепостного права) в русской жизни нельзя было найти ни политический мотив, соответствующий замыслу писателя, ни подходящего героя (дон-кихоты и чудачи тут не годились, а о том, чтобы сделать героем иностранца, немца или француза, например, не могло быть и речи. Другое дело славяне — братья по крови и языку, да к тому же наполовину русские по образованию. Стремления такого героя были близки и понятны русской девушке, и она могла полюбить его, не утрачивая своей национальности, оставаясь русской) <...>

Александр Николаевич
Островскому
От приятеля и почитателя
Ив. Тургенева
Москва.
21 фев. 1860.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ.
ПРИЛОЖЕННАЯ К ПЕРВОЙ
ПУБЛИКАЦИИ ПОВЕСТИ
«НАКАНУНЕ»:

«Александру Николаевичу Островскому от приятеля и почитателя
Ив. Тургенева. Москва, <1>-го фев-
<раля> 1860.»

Надпись сделана на вкладном листе
к вырезке из журнала «Русский вест-
ник» (1860, № 1)

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

В подлинно художественных произведениях литературы как естественное воспринимается чаще всего вовсе не то, что само собой разумеется. Убедительнее и правдоподобнее оказывается неожиданное — и не только в сюжетных поворотах, но и в характерах героев.

Характер Елены в условиях ее происхождения и воспитания кажется необъяснимым. Ее мать — это преждевременно состарившаяся слезливая робкая женщина, рабски преданная мужу, который обращается с ней снисходительно-пренебрежительно, на манер восточного паши. Отец Елены Стаховой — напыщенный тупица, самодовольный упрямый эгоист <...>

Елена предстает перед нами спокойной, серьезной, сердечной девушкой. За ней усердно ухаживают два молодых человека. Один из них — Шубин, одаренный молодой скульптор, на голову выше всех прочих ее поклонников, ибо в нем одном горит искра божия — прирожденный талант. Кажется, сама природа выделила его и поставила выше простых смертных. В доме Стаховых он принят как свой, он был товарищем детских игр Елены. Елена, как большинство людей героического склада, не знает толка в искусстве, а характер Шубина — ветреный, импульсивный, переменчивый, как погода, — не импонирует ей ничуть. Говорят, что художественная натура представляет собой сочетание двух начал: мужского и женского. Шубин может служить блестящим подтверждением этой мысли. Он капризен, непостоянен, истеричен, как женщина, его чувства страшно обострены, но быстро проходят, ни любовь, ни ненависть не захватывают его надолго. Даже его благородство кажется не столько проявлением высокой души, сколько слабостью воли. Такая девушка, как Елена, не может смотреть на этого слабого человека иначе как сверху вниз, с высоты своего юного, еще не осознанного превосходства. Она относится с большим сочувствием к другу Шубина, своему скромному поклоннику Берсеневу, молодому ученому, который готовится к профессорскому званию. Этот превосходный во всех отношениях, честный, серьезный молодой человек, бескорыстный и в любви и в горячей приверженности к науке, которой он собирается посвятить свою жизнь, высокопорядочный и добродетельный до смешного, совершенно лишенный эгоизма, явно не создан для первых ролей. При всей добросовестности и эрудиции, он не обладает ни в малейшей степени самобытностью ума и в этом много уступает Шубину, но на Елену производит сильное впечатление его ученость и серьезность (качество сродное ей самой). Сочувственный интерес ее к трудам и воззрениям молодого ученого воодушевляет его и возбуждает в нем надежды. Шубин со свойственной ему проницательностью первый замечает, как близки они к осуществлению, и говорит об этом в припадке раздражения своему другу. Но скромный, благородный Берсенеv сам становится поперек своему счастью. Елена мечтает о героях, о замечательных людях, и, чтобы доставить ей удовольствие, Берсенеv решает познакомить ее с болгарским патриотом, своим университетским товарищем, которого он считает человеком исключительным, необыкновенным, и к тому же героем. Берсенеv отправляется в Москву, разыскивает Инсарова и приглашает его на несколько недель к себе на дачу. С первого взгляда герой производит впечатление скучного и чопорного формалиста, он долго не хочет принять приглашение, отыскивает всяческие препятствия, наконец, весьма нелюбезно соглашается, выговорив, что будет платить приятелю за комнату — условие столь же неуместное, как если бы, побывав в гостях, он вздумал заплатить за обед. Тургенев стремился сделать своего героя сильным и чрезвычайно независимым человеком, слишком гордым, чтобы принимать услуги от кого бы то ни было, воплощением решительности и страстной целеустремленности, железным человеком.

Из всех романов Тургенева «Накануне», пожалуй, самый богатый по числу, разнообразию и оригинальности характеров. Шубин, Берсенов, Увар Иванович, отец и мать Елены, не говоря уже о ней самой, все это яркие, живые, правдивые образы. Не удался только главный герой. Инсаров дубоват, несмотря на все качества, которыми автор его наделил. Тургенев не встречал в жизни таких людей, а без живой натуры перед своим мысленным взором он рисовать не умел.

Увидев Инсарова, Елена испытала разочарование. Не таким представлялся ей герой. Но он ее интересует, ей лестно и приятно, что он находит удовольствие в ее обществе. Он часто бывает у Стаховых, и родители, не видя в нем кандидата в женихи, не мешают его беседам с Еленой. Постепенно молодые люди сближаются. Елена, уже слышавшая от Берсенева историю Инсарова, из его собственных уст узнает новые, другим неизвестные, подробности его богатой приключениями жизни, узнает об опасностях, которым он подвергался, о смертной казни, которой едва избежал, о цене, объявленной за его голову. Она гордится доверием, ей оказанным, чувствует, что эта тайна, которую она разделяет, связывает их вместе и внутренняя связь между ними крепнет. Ее охватывает тревога, с ней происходит что-то необычное. Всю жизнь она чего-то ждала, ее мучили безответные вопросы, неясные, непонятные ей самой порывы. Кто-то должен был прийти и разрешить эти вопросы, указать ей путь. Такому человеку она отдаст себя, посвятит ему жизнь, пойдет за ним всюду, отказавшись от всех своих привычек, от родных, от отечества²³ <...>

И вот последнее слово записано в дневник. Загадка разрешена. Жребий брошен. Счастье или несчастье ждет Елену — это уже зависит не от нее. Да и не искание семейного счастья руководит ею, она стремится к неженскому делу.

Тут Инсаров вдруг пропадает. Берсенов приходит сообщить девушке об его отъезде. Еще раз, движимый великодушием, он соглашается играть роль второй скрипки. Его любовь самоотверженна, и он не дает чувству ревности ее отравить. Поэтому он рассказывает Елене об одном случае из жизни Инсарова — как заподозренный в равнодушии к хорошенькой девушке, он сказал, что если бы такое несчастье случилось с ним, он немедленно бы уехал, — и дает ей понять, что именно это сейчас и произошло: Инсаров полюбил и решил бежать. В истинности объяснения нельзя усомниться. Оставшись одна, Елена думает, думает... Наконец она встает и выходит из дому. Решение принято, мосты сожжены.

<...> Застигнутая дождем, Елена находит приют в заброшенной чайной и встречается там Инсарова. Они вступают в разговор. Елена требует объяснения, почему он хотел уехать, не простившись, и когда Инсаров отказывается отвечать, в героическом порыве девичьего самоотвержения, она признается ему в любви, отдает ему свою душу, сердце, жизнь, обещает следовать за ним повсюду, делить с ним все труды и опасности... И потрясенный ее любовью, ее самоотверженностью, Инсаров гордо и радостно приветствует ее: «Так здравствуй же, моя жена перед людьми и перед богом!» <...>

«Когда ж наша придет пора? Когда у нас народятся люди?» — спрашивал Шубин в «Накануне» и слышал в ответ: «Дай срок, будут».

В следующем же романе такие люди появились. Вся эпоха 1855—60 гг. была эпохой ломки <...>

Базаров силен тем, что всегда говорит правду, что он смел и полон энергии, что он единственный мужчина из всех представителей интеллигентного типа, выведенных Тургеневым. И любопытно, что Тургенев взял его не из крупного дворянства, а из того умственного пролетариата, который должен был в действительности стоять во главе русского умственного движения <...>

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Имеется в виду творческая практика Эмиля Золя и его воззрения на цели и существо художественной литературы, высказанные в книге «Экспериментальный роман» (E. Zola. Roman expérimentale. Paris, 1880).

² Здесь и в предыдущем абзаце Степняк использует известные шекспировские выражения из характеристики поэтического творчества в комедии «Сон в летнюю ночь» (акт V, сцена 1):

Поэта взор скользит в безумье дивном
С небес на землю и с земли на небо;
Когда ж творит воображенья формы
Вещей неведомых, — поэт пером
Дает им плоть, воздушному «ничто»
Даруя место в мире и название.

³ См. В. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961, стр. 95—99.

⁴ См. «Литературные и житейские воспоминания».

⁵ О родстве писателя с декабристом Н. И. Тургеневым и об их встречах за границей Степняк слышал от М. П. Драгоманова, который в своих опубликованных в 1892 г. в Женеве «Воспоминаниях о знакомстве с И. С. Тургеневым» также называет Н. И. Тургенева дядей писателя. На самом деле они принадлежали к разным родам (древнейшим известным предком декабриста считался Борис Тургенев, живший в первой половине XVII в., а род писателя восходит к татарскому мурзе из Золотой орды Льву Тургеневу, крещенному Иваном, 1425—1462, и насчитывает 14 поколений), но общность фамилии и возникшая между ними в годы пребывания молодого Тургенева за границей близость дали основания для легенды о родстве.

⁶ Эта записка «Нечто о крепостном состоянии в России» была опубликована Н. И. Тургеневым в 1862 г. за границей.

⁷ См. И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1950, стр. 280.

⁸ Анненков 1960, стр. 382.

⁹ Там же.

¹⁰ См. А. Я. Панаева. Воспоминания. М., 1948, стр. 156—158.

¹¹ Анненков 1960 (стр. 384) и Панаева (стр. 250—251, 301).

¹² Следует опускаться здесь анекдот о приглашении друзей на обед, который не был приготовлен. См. Анненков 1960 (стр. 384—385) и Панаева (стр. 127—129).

¹³ Ср. письмо Тургенева к Полине Виардо от 18/30 апреля 1848 г.: «Глупый человек подражает рабски; умный человек без таланта подражает претенциозно и с усилием, с самым худшим из всех усилий, с усилием быть оригинальным».

¹⁴ «Литературные и житейские воспоминания».

¹⁵ Письмо Тургенева к С. А. Венгерову от 7/19 июня 1874 г.

¹⁶ Ср. Тургенев. Автобиография.

¹⁷ «Литературные и житейские воспоминания».

¹⁸ Рассказ «Хорь и Калиныч» был напечатан в № 1 «Современника» за 1847 г.

¹⁹ Этот анекдот не раз повторялся в печати. См., например: Е. П. Кавелина. «И. С. Тургенев в оценке своих ближайших современников». СПб., 1887.

²⁰ На самом деле Тургенев вынужден был провести в Спасском около двух лет: с мая 1852 г. по декабрь 1853 г. Ошибка Степняка вызвана неправильным пониманием слов Анненкова «Шесть лет за тем прожил наш поэт безвыездно в России» (Анненков 1960, стр. 397).

²¹ Нижеследующие три абзаца взяты из другой черновой редакции.

²² В суровой оценке «Лебедяни» и некоторых других рассказов Тургенева Степняк следует за Белинским (см., например, письмо Белинского к Анненкову от 15 февраля 1848 г. — Белинский, т. XII, стр. 466).

²³ Далее в рукописи следует не приводимое здесь подробное рассмотрение романов «Рудин» и «Дворянское гнездо». См. об этом выше, в вступ. заметке.

²⁴ Следующие ниже замечания о «Накануне» представляют собой черновой набросок, обнаруженный в записных книжках Степняка. В переводе использованы формулировки и обороты из конспекта книги о Тургеневе, написанного в основном по-русски.

²⁵ Ср. Анненков 1960, стр. 337—338; также: П. А. Кропоткин. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907, стр. 108—109.

²⁶ Имеется в виду книга — Э. де Вогюз «Русский роман» («Le roman russe». Paris, 1888), сложившаяся из его статей о русских писателях; эти статьи печатались в течение ряда лет в «Revue des Deux Mondes» и служили источником фактических сведений, а часто и суждений для многих европейских и американских журналистов.

²⁷ Степняк предполагал изложить здесь рассказанную Тургеневым (в предисловии к изданию 1880 г.), а также Анненковым (стр. 427—428) историю болгарина Катранова, оставившего писателю свое сочинение, сюжет которого лег в основу «Накануне».

²⁸ Здесь Степняк намеревался включить записи из дневника Елены. На поле черновика написано по-русски: «Ввести дневник».